

Феноменология бунтующего сознания и свободы: Ф.М. Достоевский и Л.И. Шестов

В докладе рассматривается эволюция представлений Шестова о творчестве великого русского писателя Ф.М. Достоевского, показана шестовизация идей русской философии. Шестову было свойственно стремление к непосредственному восприятию жизни в её неисчерпаемости, и, следовательно – к алогичности, хаотичности, беспочвенности. Познание Шестова – это стремление выразить мысль ёмко и одновременно зримо, что не разложимо на концепции, тезисы и положения. Автор стремится также к выявлению новых аспектов в интерпретации проблем жизни и смерти, Бога и человека, трагедии и свободы, веры и истины в текстах Льва Шестова. Очевидно для автора исследования то, что Шестову было сложно избежать противоречий в трактовке произведений Достоевского, в статье определены те противоречия, которые не смогли разрешить в своей антроподицее ни Достоевский, ни Шестов, противоречия в их подходах к ценности человека и его жизни. Если Шестов был влеком беспочвенностью, то Достоевский, напротив, только в единении с почвой, с миром, с землей видит спасение человека, и, следовательно, самого себя. Шестов создавал образ «человека над бездной», то есть человека, воспарившего над пороками и язвами мира, но воспарившего не по взмаху волшебного жезла, а ценой и мерой непосильных страданий, ценой запредельных усилий. Достоевский так же часто использует понятие бездны при создании своих персонажей. Для Достоевского Бог означал Добро, что сближало его с Толстым и разъединяло с Шестовым. Прорыв к Богу у Достоевского – это всегда преодоление бездны зла и приобретение к Добру, и не просто стремление, а битва за Добро, кровавый ежеминутный бой со всем, что встает на пути. Он не верит в единый миг преображенья – в Чудо свершения, которое происходит без участия самого человека, вне тяжелого душевного труда. Вряд ли Достоевский согласился бы, что спасает только вера. В соответствии с его концепцией почвенничества спасают и вера, и дела. На примере философствования Л. Шестова открывается возможность исследовать трагичность умонастроения XX века, в сложной амбивалентности которого соединяются мир и человек, его сознание, проблемы познания и ценностей.

Ключевые слова: феноменология, беспочвенность, антроподицея, религиозный экзистенциализм, бунт, свобода, философия трагедии

Лезьер Виктория, доктор философии,
Президент образовательной неком-
мерческой ассоциации «Центр куль-
туры и познания», г. Бринель, Франция

Lezer Victoria

Phenomenology of rebellious consciousness and freedom: F.M. Dostoevsky and LI Shestov

The report deals with the evolution of Shestov's ideas about the works of the great Russian writer F. M. Dostoyevsky, shows the shestovization of ideas of Russian philosophy. Shestov had the ambition to direct perception of life in its inexhaustibility, and, consequently, to illogicality, chaos, groundlessness. Shestov's cognition is an aspiration to express the idea succinctly and, at the same time, visibly, so it is not decomposable on concepts, theses and provisions. The author also seeks to identify new aspects in the interpretation of the problems of life and death, God and Man, tragedy and freedom, faith and truth in the texts of Leo Shestov. It's obvious for the author that Shestov had difficulties to avoid contradictions in his interpretation of Dostoevsky's works, the article identifies the contradictions that have been unable to settle in their anthropodicy neither to Dostoyevsky, nor to Shestov, the contradictions in their approaches to human values and his life. If Shestov was attracted by groundlessness, then Dostoyevsky, on the contrary, only in unity with the soil, with the world, with the earth sees the salvation of Man, and therefore himself. Shestov created the image of a "man above the abyss", that is, a man who rose above the vices and ulcers of the world, but rose not by the wave of the magic rod, but by the price and measure of unbearable suffering, at the cost of exorbitant efforts. Dostoyevsky also often uses the notion of abyss when creating his characters. For Dostoevsky, God meant the Good, what brought him to Tolstoy and disconnected with Shestov. Breakthrough to God according to Dostoevsky it is always the overcoming of the abyss of evil and initiation to the Good, and not just a desire, but the battle for the Good, ever-present bloody fight with everything that stays out of the way. He does not believe in instant transformation - a Miracle of accomplishment, which occurs without the participation of the person, outside of hard mental labor. Dostoyevsky would have difficulty in agreeing that only faith saves. In his concept both faith and actions save. On the example of L. Shestov's philosophie it is possible to explore the tragedy of the twentieth century mindset, in the complex ambivalence of which the world and man, his consciousness, the problems of cognition and values are connected.

Keywords: phenomenology, groundlessness, anthropodicy, religious existentialism, rebellion, freedom, philosophy of tragedy

Lezer Victoria, Doctor of philosophy,
President of the educational non-
profit association "Center of culture
and knowledge", Brignoles, France

Lezer Victoria

Fenomenología de la conciencia Rebelled y libertad: F.M. Dostoievski y LI Shestov

El informe examina la evolución de las ideas de Shestov sobre el trabajo del gran escritor ruso F.M. Dostoyevsky, el sexto orden de las ideas de la filosofía rusa se muestra. Shestov se caracterizó por el deseo de percibir directamente la vida en su inagotabilidad y, en consecuencia, en lo ilógico, caótico, sin fundamento. El conocimiento de Shestov es el deseo de expresar el pensamiento de una manera amplia y simultáneamente visible que no se descompone en conceptos, tesis y proposiciones. El autor también busca identificar nuevos aspectos en la interpretación de los problemas de la vida y la muerte, Dios y el hombre, la tragedia y la libertad, la fe y la verdad en los textos de Lev Shestov. Obviamente, para el autor del estudio que Shestov era difícil de evitar contradicciones en la interpretación de las obras de Dostoievski, el artículo identifica las contradicciones que no han podido resolver en su antropoditsei ni Dostoievski ni Shestov, contradicciones en sus aproximaciones al valor del hombre y de su vida. Si Shestov carecía de fundamento, Dostoievski, por el contrario, solo en unidad con el suelo, con el mundo, con la tierra, ve la salvación del hombre y, en consecuencia, de sí mismo. Postes crearon la imagen del "hombre del abismo", lo que es humano, para elevarse por encima de los vicios y las úlceras del mundo, pero no se disparan con un toque de varita mágica, pero con el coste de la medida y el sufrimiento insoportable, el precio esfuerzo excesivo. Dostoievski también usa a menudo la noción del abismo cuando crea sus personajes. Para Dostoievski, Dios quiso decir el Bien, lo que lo acercó a Tolstoi y lo separó de Séstov. Avance a Dios Dostoievski - que siempre se supera el mal abismo e introducción a la buena, y no sólo un deseo, y la batalla para el bien, sangrienta batalla continua con todo lo que se interponga en el camino. No cree en un solo momento de transfiguración, en el milagro de la realización, que ocurre sin la participación de la persona misma, fuera del trabajo mental pesado. Es poco probable que Dostoievski acepte que solo la fe salva. De acuerdo con su concepto de crear suelo, tanto la fe como las acciones se salvan. En el ejemplo de filosofar Shestov ofrece la oportunidad de explorar el trágico estado de ánimo del siglo XX, en el que el complejo de la ambivalencia conectado mundo y el hombre, su mente, el problema del conocimiento y los valores.

Palabras-clave: fenomenología, falta de fundamento, antropodición, existencialismo religioso, rebelión, libertad, filosofía de la tragedia

Leszier Victoria, Ph.D., Presidenta de la asociación educativa sin fines de lucro "Centre for Culture and Cognition", Brinel, Francia

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Современная культурная ситуация вызывает довольно разные оценки и суждения, напоминающие противоречивое осмысление культуры века предшествующего. Как и сегодня, философы писали о кризисе культуры, об апокалиптическом переживании времени, о необходимости переоценки всех прежних ценностей. В начале XX века было ясно одно: реальностью стало событие, которое предрекали Ф.М. Достоевский – «убийство Бога», и Ф. Ницше, в весте «Бог мертв». Трагизм происходящего стремились осмыслить и русские, и западноевропейские философы. В 1918 году Е.Н. Трубецкой написал: "На наших глазах ад утверждает себя как исчерпывающее содержание всей человеческой жизни, а стало быть, и всей человеческой культуры... олицетворяет опасность, нависшую надо всеми..." [1, с.191–192]. С. Франк обозначил катастрофический перелом в истории: «На место прежней, хотя с абсолютной точки зрения бессмысленной, но относительно налаженной и устроенной жизни, которая давала, по крайней мере, возможность искать лучшего, наступила полная и совершенная бессмыслица, хаос крови, ненависти, зла и нелепости – жизнь как сущий ад [2, с. 157]». Западноевропейские мыслители, взирая на трагический мир, в котором рушились все прежние ценности, испытывали более глубокое, чем их русские современники, чувство безысходности и ужаса перед происходящим. Выразительным отзвуком этой безысходности

звучат построения Хайдеггера, словно подводящие итог горьким размышлениям: "Мировая ночь распространяет свой мрак. Эта мировая эпоха определена тем, что остается вовне Бог, определена «нетостью Бога» ... В нетости Бога возвещает о себе, однако, и нечто куда более тяжкое" [3, с. 265]. А раз «Бог умер», остались лишь мир и человек, и сложнейшая проблема антропологии, и вопрос о самоопределении человека в ситуации «затмения Бога».

Ситуация «смерти Бога», или «затмения Бога» (М. Бубер), была центральным сюжетом, вокруг которого сложились миры великого русского писателя Ф.М. Достоевского и философа-экзистенциалиста Л.И. Шестова. В работе о Достоевском А. Жид воспроизводит главные вопросы этой ситуации: «Как утвердить свою зависимость? Тут начинается тревога. Все дозволено. Но что же? Все! Что может человек?» [4, с. 104].

Достоевского-мыслителя всю жизнь, говоря его же словами, «мучила» идея бога, человека, свободы. В своих произведениях великий русский писатель определяет человека жить в мире бесконечном, противоречивом, упорядоченном и стихийном, непредсказуемом; он помогает осознать грани человеческой слабости и силы, возможного и невозможного. Но и сам он бесстрашно заглядывал в бездны человеческого сознания, «мучая», испытывая на прочность, истинность и справедливость, вековые идеи добра и зла, смысла жизни, счастья, человеческой судьбы. В письме к

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

брату Михаилу Федор Михайлович Достоевский объясняет смысл собственного творчества: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [4, с.63].

В своих произведениях великий русский писатель обращается к феноменологии одновременно несчастного и бунтующего сознания. Признавая противоречивость фундаментальных человеческих качеств - добра и зла, свободы и насилия, восторга и отчаяния - Достоевский приходит к идее зыбкости и неустойчивости начал человеческого духа, находящихся во взаимоисключающем, противоречивом единстве. Так, «Записки из подполья» начинаются словами: «Я человек больной <...> Я злой человек» [5, с.99]. Но повествование и перипетии сюжета выявляют, что это и не злость вовсе, а скорее слабость, беспомощность и даже отчаяние человека, загнанного в подполье. Феномен «подполья» - это фиксация Достоевским сложнейшей ситуации поиска, прорыва, выбора, которую, впоследствии, ассоциировали с пограничной ситуацией. Именно в этом состоянии, полагает Достоевский, человек прикасается к подлинности, отъединяясь от всего внешнего, случайного. Но оказывается, что открывающиеся («в подполье») глубины наполнены более сильными противоречиями, чем внешнее, или ограниченное, бытие в мире людей и вещей.

Мир Достоевского не случайно стал предметом рассмотре-

ния для философа Льва Шестова, который осуществил переоценку ценностей, переосмысление фундаментальных категорий добра и зла в книге «Достоевский и Ницше» (1902). Эта книга стала важнейшей вехой формирования зрелой версии шестовского учения, его «философии веры». Заметим, что в своих ранних произведениях Шестов не только стремится уйти от традиционной этики, но и обратиться к такой проблематике, как аутентичность человеческого существования, ощущение жизни как трагедии борьбы, то есть к проблематике иррационального экзистенциализма. Вероятно, именно Шестов одним из первых в философской литературе дал специфические характеристики тем ситуациям, которые впоследствии немецкий психиатр и один из основоположников экзистенциализма Карл Ясперс назвал пограничными: отчаяние, безнадежность, покинутость, ужас, абсурдность существования. Истоки трагичности судьбы человека Шестов видел во власти идей, поэтому «субъект шестовского философствования навсегда покидает мир общечеловеческих ценностей и замыкается в «Я» - мире с его совершенно иными законами» [6, с. 118]. Шестов обращается к осмыслению своего личного опыта в форме философских драм. Обращение к Достоевскому прочитывается в контексте этих напряженных творческих поисков экзистенциалиста, все персонажи которого проходят ту же мучительную дорогу жизни, что и персонажи Достоевского, - от болезней,

безумства, страдания и лишений к преобращению внутренним Светом. Шестов неоднократно подчеркивает эту постоянную жажду преобразования, мотив спасения надеждой, что живут в героях Достоевского и в нем самом. Все творчество Достоевского в представлении Шестова – это расширенные «Записки из подполья», оправдание жизни конкретного человека. Такого человека поставил Достоевский над понятиями добра и зла, создав образ «подпольного человека» с его знаменитой апологией «Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет за копейку продам. Свету ли провалиться или мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чаю всегда пить» [5, 174]. Вспомним, что Шестов как-то заметил, что эти слова вполне могли принадлежать Ницше, для которого на одной чаше весов были все чудеса культуры, на другой – его собственная жизнь [7]. Именно здесь выступает главный герой философии трагедии Ницше и Достоевского – это мятущийся человек из подножья» [8, с. 66].

В работе «Достоевский и Ницше» Шестов раскрывает неоднозначность мира «подполья»: это не только загнанность человека, его бегство и поражение, но и подполье как тайник человеческого духа, где он может быть свободным от чужого глаза и воли, где спрятан совершенно особый вид свободы, одновременно предельно открытой для себя и закрытой или еще не явленной другим, внешнему миру. И, тем не менее, это все-таки подполье, в кото-

ром живут мелкие и презренные проявления души. Такие же мелкие, как всякие насекомые, такие же презренные, как крысы и мыши. Взглянем, приглашает Шестов, цитируя Достоевского, на эту мышь в действии: «...она тоже обижена... и тоже желает отомстить... Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в холодную, ядовитую и, главное, вековечную злость... Но именно вот в этом холодном, омерзительном полуотчаянии, полувере, в этом сознательном погребении самого себя живо с горя, в подполье... в этой усиленно созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положения, во всем этом яде неудовлетворенных желаний, вошедших внутрь, во всей этой лихорадке колебаний, принятых навеки решений и через минуту опять наступающих раскаяний... и заключается сок того странного наслаждения...» [7, с. 104–105]. Наслаждение в отчаянии, надежда в безвыходности, ощущение свободы в тупиковой ситуации, – эти противоречивые состояния души персонажей Достоевского постоянно подмечает Шестов. По его мнению, наиболее ярко эту своеобразную противоречивость, иерархичность бытия и человеческой сущности Достоевский выразил в повести «Записки из подполья». Здесь, с одной стороны, раздается «раздирающий душу вопль ужаса, вырвавшийся у человека, внезапно убедившегося, что он всю свою жизнь лгал, притворялся, когда уверял себя и других,

что высшая цель существования, это – служение последнему человеку. До сих пор он считал себя отмеченным судьбой, предназначенным для великого дела» [7, с. 170–173]. С другой этот же человек «внезапно почувствовал, что он ничуть не лучше, чем другие люди, что ему так же мало дела до всяких идей, как и самому обыкновенному смертному. Пусть идеи хоть тысячу раз торжествуют, пусть освобождают крестьян, пусть заводят правые и милостивые суды, пусть уничтожают рекрутчину – у него на душе от этого не становится ни легче, ни веселее. Он принужден сказать себе, что если бы взамен всех этих великих и счастливых событий на Россию обрушилось несчастье, он чувствовал бы себя не хуже, — может быть, даже лучше...» [7, с. 170–173]. Шестов предполагал, что эта открывшаяся в человеке двойственность присуща самому Достоевскому, и это обывательское равнодушие к чужому страданию, это притворство и лицемерие, которое он прятал за пафосом человеколюбивых фраз должно было на самом деле разорвать его душу на части, потому что уже невозможно в сорок лет начинать новую жизнь, «когда разрывать с прошлым – значит заживо похоронить себя...» [7, с. 170–173]. Шестов словно всматривался в душу самого Достоевского, в то, что происходило в ней, в стихийном ее порыве преодолеть сомнения, отчаяние и ужас, открывшиеся в экзистенциальном акте собственного падения: «Ему все казалось, что сомнения пройдут, что это только искуше-

ние. В последние минуты он – уже одними губами – продолжал шептать свое заклинание: «познается, что последний человек есть тоже человек и называется брат твой». Но слова этой молитвы не только не утешили его – они были тем ядом, который отравил Достоевского, хотя в них видели, продолжают до сих пор видеть безопасные и даже укрепляющие душу слова... [7, с. 170–173].

Парадоксально, что Шестов, определивший тему отчаяния предметом своего пристального внимания в последующих произведениях, был убежден, что в творчестве Достоевского, в феномене подполья, зло обрело самые сильные аргументы в свое оправдание. Можно ли согласиться в этом признании с Шестовым? Заметим здесь, что в своей ранней работе о Достоевском Шестов читает тексты русского писателя буквально, отождествляя его мировоззрение и слова подпольного человека. Исследователи Т. Благова и Б. Емельянов объясняли это тем, что «Шестов читает романы Достоевского как монологический текст [9], не замечая существенную черту философии Достоевского, отмеченную М.М. Бахтиным – ее «полифонию», множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний. Полифония, о которой говорит Бахтин, образуется, прежде всего, за счет «микрокосмичности», точнее, философичности главных героев Достоевского. Сами герои Достоевского кажутся гораздо беднее своих идей-вселенных, они не всегда едины и слиянны с ними и, в отличие от

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

своего творца, Достоевского, часто просто подавлены ими, несоизмеримы с ними. Таким образом, Шестов в раннем творчестве не понял, что в душе Достоевского, «по-своему цельной и, разумеется, единой и единственной, жил целый мир «философий», постоянно отставляющих свое право на существование, вступающих в столкновения, сводимых то к «окончательному» выводу, то к абсурду» [10, с. 44].

В 1921 году мировая общественность отмечала 100-летие со дня рождения Ф.М. Достоевского. В связи с юбилеем писателя Льва Шестова в Европе приглашали читать лекции, посвященные творчеству Достоевского, и не только в Париже, но и в Берлине. Журнал «Nouvelle Revue Française» готовил номер, целиком посвященный Достоевскому. Шестову предложили опубликовать там свою статью «Преодоление самоочевидностей», которую он писал в это время для «Современных записок» (на рукописи стоит дата июль – сентябрь 1921 года). Статья вышла в 1922 году в сильно урезанном виде под названием «Dostoievsky et la lutte entre les évidences». Примечательно, что в этом же номере была помещена статья Андре Жида, который готовил книгу о Достоевском [11]. Обе статьи вызвали широкий отклик, рецензенты сравнивали подходы Шестова и французского писателя. Вскоре была переведена на французский язык, и книга «Достоевский и Ницше», что упрочило известность Шестова как оригинального интерпретатора Достоевского.

Эссе «Преодоление самоочевидностей» вошло в книгу «На весах Иова. Странствия по душам», которая вышла в Париже в 1929 году. В нее были включены работы, написанные в эмиграции в 1920–1924 годах. Главными героями эссе-драм являются Толстой, Достоевский, Паскаль, Спиноза, Плотин. Объединяющая идея книги хорошо выражена в обширной статье Германа Ловцкого «Философ библейского откровения»: «На одной чаше – скорбь Иова и вместе с ним Шестова, взывающего к Богу, на другой – песок морей, т. е. все материальные и идеальные сущности, которые навалились мертвой тяжестью на живую человеческую душу» [12, с. 207–230]. В этой работе Шестов, прошедший путь внутренней эволюции от философии трагедии к философии смерти, изменяет свое отношение к Достоевскому и к его «подпольному человеку».

«Преодоление самоочевидностей» начинается известным образом об ангеле смерти, взятом из Талмуда. Шестов пишет: «Бывает так, что ангел смерти, явившись за душой, убеждается, что он пришел слишком рано, что не наступил еще человеку срок покинуть землю. Он не трогает его души и даже не показывает ей, но прежде чем удалиться, незаметно оставляет человеку еще два глаза из бесчисленных собственных глаз. И тогда человек внезапно начинает видеть сверх того, что видят все и что он сам видит своими старыми глазами, что-то совсем новое. <...> Одним из таких людей, обладавших двойным зрением, и был, без сомнения, Достоев-

ский» [13, с. 25–97]. Это был новый поворот в понимании гения русской литературы. Шестов вдруг открывает двойственность видения жизненных и художественных явлений, свойственных Достоевскому, заявляя, что во всех романах великого русского писателя осуществляется «очная ставка между «естественным зрением» и тем сверхъестественным видением, которым его одарил покрытый глазами ангел» [15, с. 69–70]. В этом сверхъестественном видении постигается свобода, как «последнее» основание человека, которая всегда связана с неизвестностью, в то время как мышление способно указывать на бесконечность и неопределенность. Шестов вслед за Достоевским обращается к проблеме свободы, которая осмысливается в диалектической связи с вопросом о необходимости, символизируемой в образе стены и законов природы. Шестову открывается вдруг, что Достоевский утверждал абсолютность и неустранимость внутренней, духовной свободы человека, дающейся ему через мучения, через боль, которая возникает вместе с чувством непримиримости и желанием опрокинуть необходимость, разрушить «стену». Эта особая рода боль доводит человека до бессилия, до ничто, не будучи в состоянии что-либо изменить в действительности. С этих позиций по-новому осмысливается Шестовым феномен подполья, и теперь философ был убежден, что Достоевский бежал от подполья в одиночество [13, с. 36] и провозгласил крайний индивиду-

ализм. «Не чувствуя за собой никакого поддерживающего авторитета или предания, – писал Шестов, – он провозгласил: «Я один, а они все» [13, с. 39].

Из контекста эссе Шестова можно заключить, что «подполье» – это бунт против «власти идей», против идеалов и идеалистической философии, против «вечных истин». В этом и заключалось его «второе зрение». Фактически восстание, которое поднимает «подпольный человек», – это восстание во имя свободной индивидуальности, в котором возможно достичь не только до прямого противопоставления себя обществу и природе, но и до идеи «выпадения» из них: «Свету ли провалиться или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» [13, с. 174]. Такова цена личности и «нашей индивидуальности», и «подполье» – не «всемство», не конформизм и не «власть идей», это экзистенциальная ситуация одиночества, отчуждения, самоизоляции и эгоцентризма. Шестов писал не то о Достоевском, не то о себе самом с высоты открывшегося ему содержания подполья: «Он точно сорвался со стремнины и стремглав, с головокружительной быстротой несется в бездонную пропасть. Никогда не испытанное, радостное чувство полета и страх перед беспочвенностью, перед всепоглощающей бездной». (Шестов Л. На весах Иова (странствования по душам). М. Фолио. 2000. С. 34–35). Философ словно не замечает жажды другой, лучшей, чем «подполье», жизни. Но в этом сочинении ему, видимо,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

важнее было расширить контекст подполья, используя код библейского экзистенциализма, подчеркнув то, что происходит в душе подпольного человека: он не «думает», он «отчаянно мечется, стучится куда попало, бьется обо все встречающиеся на его пути стены. Его постоянно взрывает, возносит бог знает, как высоко и потом швыряет в бог знает какие пропасти и глубины. Он уже не направляет себя, им владеет сила бесконечно более могучая, чем он сам» [13, с. 61].

Однажды Бенджамин Фондан записал пересказ беседы Шестова с Габриэлем Марселем, которая проясняет интерпретацию «подпольного человека». Марсель упрекал Шестова, что тот «стучался туда, где вовсе не было двери». На это Шестов с присущей ему серьезной иронией ответил: «Я только и делаю, что говорю, что двери действительно нет, но, тем не менее, надо стучать в эту дверь, которой не существует... Если бы я избрал борьбу с кем-нибудь или чем-нибудь, Марсель был бы прав. Но я выбрал борьбу против очевидностей, т.е. против всемогущества невозможностей» [13, с. 514]. Замечу, что позже новые семантические значения «подполья», которые генерировал в своей интерпретации Шестов, были «подхвачены» такими философами, как Жан-Поль Сартр, Альбер Камю.

Шестову было сложно избежать противоречий в трактовке произведений Достоевского, но стоит ли его ловить на противоречиях, если у самого Достоевского их достаточно? Поэтому, если принять парадоксальность

мысли Шестова и попытаться вместе с ним понять, как трудно выразить некоторые размышления о смысле и бессмысленности жизни, то это облегчит анализ его философских эссе. В частности, вполне прозрачен смысл сказанного в тексте, в котором Шестов разъясняет философскую значимость художественных открытий Достоевского: «Кто хочет подойти ближе к Достоевскому, тот должен...проводить часы, дни, годы в атмосфере взаимно исключающих самоочевидностей – другого способа нет. Таким, только таким образом можно «увидеть», что время имеет не одно, а два и более измерений, что «законы» не существуют от вечности, а «даны» ... что жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь, и все прочие «истины», которые глядят на нас своими страшными и страшными глазами со страниц сочинений Достоевского» [13, с. 80].

Назовем здесь лишь некоторые из противоречий, которые не смогли разрешить в своей антропологии ни Достоевский, ни Шестов, противоречия в их подходах к ценности человека и его жизни. Если Шестов был влеком беспочвенностью, то Достоевский, напротив, только в единении с почвой, с миром, с землей видит спасение человека, и, следовательно, самого себя. Шестов создавал образ "человека над бездной", то есть человека, воспарившего над пороками и язвами мира, но воспарившего не по взмаху волшебного жезла, а ценой и мерой непосильных страданий, ценой запредельных усилий. Достоевский так же часто ис-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

пользует понятие бездны при создании своих персонажей. Так один из наиболее сложных героев – Митя Карамазов – есть, по мнению русского писателя, воплощение двойственности идеалов, характеров и соединение двух «бездн». Для Достоевского Бог означал Добро, что сближало его с Толстым и раз-единяло с Шестовым. Прорыв к Богу у Достоевского – это всегда преодоление бездны зла и приобщение к Добру, и не просто стремление, а битва за Добро, кровавый ежеминутный бой со всем, что встает на пути. Он не верит в единый миг преображения - в Чудо свершения, которое происходит без участия самого человека, вне тяжелого душевного труда. Вряд ли Достоевский согласился бы, что спасает только вера. В соответствии с его концепцией почвенничества спасают и вера, и дела. Именно так мы понимаем тематику «малых дел» в романах «Преступление и наказание», «Подросток», «Братья Карамазовы» [14, с. 86].

Примиряет двух мыслителей одно: вслед за Ф.М. Достоевским философ XX века Л. И. Шестов постулирует трагическую ситуацию – это утрата идеи Бога в общественном сознании, в сердце человека. Несмотря на торжество человечества по поводу своих научных достижений и способностей победить природу, оно все глубже постигает и свое «великое сиротство» перед лицом бесконечности и вечности Вселенной. Мы, сегодняшние, вполне можем согласиться с этой, глубоко показанной в творчестве обоих очевидностью как созидательных, так и разрушительных возможностей человека. И потому творчество и Достоевского, и Шестова помогают нам преобразовать себя в мире известного и неизвестного, в мире, сотканном из противоречий, мире открытом и бесконечном, определенном и неопределенном одновременно, в мире, который является судьбой человека.

Библиографический список

1. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М., 1994.
2. Франк С.Л. Смысл жизни // Франк С.Л. Духовные основы общества. – М., 1992.
3. Heidegger M. Wozu Dichter? // Heidegger M. Holzwege. Fr.a.M., 1950.
4. Жид А. Достоевский: эссе. – Томск, 1994.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч.: в 30 т. – Т. 5. – М., 1973.
6. Бонецкая Н. Л. Шестов и Ф. Ницше // Вопросы философии, 2008.
7. Шестов Л. Достоевский и Ницше. Философия трагедии. // Шестов Л. Философия трагедии. – М.: Фолио, 2001.
8. Шестов Л. Умозрение и Апокалипсис. Религиозная философия Вл. Соловьева // Шестов Л. Умозрения и откровения. – Париж, 1964.
9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1963.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

10. Кувакин В.А. Мыслители России: Избранные лекции по истории русской философии. – М.: Российское гуманистическое общество, 2005.
11. Gide, Andre. Dostoejvsky: Articles et causeries. Paris. 1923.
12. Ловцкий Г. Философ библейского Откровения: (К 100-летию со дня рождения Льва Шестова) // Путь. – 1966, – № 85.
13. Шестов Л.И. Преодоление самоочевидностей: (К столетию рождения Ф.М. Достоевского) (1921) // Лев Шестов. Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – М., 1993.
14. Благова Т.И. Емельянов Б.В. Философемы Достоевского: три интерпретации (Л. Шестов, Н. Бердяев, Б. Вышеславцев). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003.
15. Шестов Л. На весах Иова (странствования по душам). – М.. Фолио, 2000.

References

1. Trubetskoy E.N. *Smysl zhizni*. [Meaning of life]. Moscow, 1994.
2. Frank S.L. *Smysl zhizni*. [Meaning of life]. Moscow, 1992.
3. Heidegger M. *Wozu Dichter?* Moscow, 1950.
4. Zhid A. *Dostoevskiy, esse*. [Dostoevsky: an essay]. Tomsk, 1994.
5. Dostoevskiy F.M. *Poln. sobr. Soch.* [Full composition of writings]. v 30. Moscow, 1973.
6. Bonetskaya N. L. *Shestov i F. Nitsshe*. [L. Shestov and F. Nietzsche]. *Voprosy filosofii*, 2008.
7. Shestov L. *Dostoevskiy i Nitsshe. Filosofiya tragedii*. [Dostoevsky and Nietzsche. The philosophy of tragedy]. Moscow, 2001.
8. Shestov L. *Umozrenie i Apokalipsis. Religioznaya filosofiya VI. Solov'va*. [Speculation and the Apocalypse. Religious philosophy of VI. Solovyov]. Parizh, 1964.
9. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, 1963.
10. Kuvakin V.A. *Mysliteli Rossii: Izbrannye lektsii po istorii russkoy filosofii*. [Thinkers in Russia: Selected lectures on the history of Russian philosophy]. Moscow, 2005.
11. Gide, Andre. Dostoejvsky: Articles et causeries. Paris. 1923.
12. Lovtskiy G. *Filosof bibleyskogo Otkroveniya (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya L'va Shestova)*. [The philosopher of the biblical Revelation: (To the 100th anniversary of the birth of Leo Shestov)]. Put'. 1966, 85.
13. Shestov L.I. *Preodolenie samoochevidnostey (K stoletiyu rozhdeniya F.M. Dostoevskogo)*. [Overcoming self-evidence: (By the centenary of the birth of FM Dostoevsky) (1921)]. Soch. 2. Moscow, 1993.
14. Blagova T.I. Emel'yanov B.V. *Filosofemy Dostoevskogo: tri interpretatsii (L. Shestov, N. Berdyaev, B. Vysheslavtsev)*. [Dostoevsky's philosophies: three interpretations (L. Shestov, N. Berdyaev, B. Vysheslavtsev)]. Ekaterinburg, 2003.
15. Shestov L. *Na vesakh Iova (stranstvovaniya po dusham)*. [On the scales of Job (wandering heart to soul)]. Moscow, 2000.